

Даля Трускиновская

Вихри враждебные

Домовые

Даля Трускиновская

Вихри враждебные

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Вихри враждебные / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
— (Домовые)

Они живут рядом с нами, при этом оставаясь незаметными. Они заботятся о нас и о нашем хозяйстве. Они – домовые! маленькие человечки с совсем не малыми проблемами...

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Вихри враждебные

Двое подручных домового дедушки Лукьяна Пафнутыча, Акимка и Якушка, пробирались домой в великом трепете. Домовые и так-то ходят бесшумно, а эта блудная парочка – и вовсе по воздуху плыла, едва касаясь шершавого бетона.

– А вот, сказывали, раньше были часы с боем, – прошептал Акимка. – Прозвонят – и сразу ясно, который час.

А час был немалый. Глубокий ночной час, ближе к рассвету, чем к полуночи.

– Разбудишь деда – будет тебе бой! – огрызнулся Якушка. – Мало не покажется...

Они вышли к вентиляционной шахте и встали, как вкопанные.

– Вот ведь сволочи...

– Ага...

По шахте снизу вверх шел ядовитый черный дым.

– Как же мы теперь?!

– Мышьим лазом?

– Так его ж заделали.

– А вдруг какая щелка осталась?

Акимка и Якушка разом засопели. Шариться среди ночи по дому, искать тот лаз! Но и спускаться сквозь дым с риском наглотаться, обалдеть и свалиться непонятно куда – сомнительное удовольствие.

– Снизу надо, – вдруг сообразил Якушка. – Постучимся к соседу Игнатьичу, он пустит, а от него – уже по вентиляции. Камин-то выше! Ты чего это творишь?!

Акимка подобрал полоску жести и старательно пихал ее в щель, пытаясь преградить дорогу вонючему дыму.

– И что они только жгут, какую дрянь? – ворчал домовый. – Ладно бы дрова! А то – химию! Пусть сами своей химией дышат!

– Отныне и до веку, – подтвердил Якушка. – И в глотке бы у них скребло, и в глазыньках пекло, и по нутру – когтями, а из нутра – слезами! Ключ, замок, язык!

Наворачивать такие вредные наговоры он выучился у хозяйки, домовый бабушки Матрены Даниловны. Но если хозяйкины слова выстраивались так, что имели обратную силу, то Якушкины лепились чуть ли не навек. И требовалось вмешательство знатока, чтобы снять их опасное воздействие. Впрочем, сам Якушка об этом еще не знал.

Он знал только, что мерзавцы, поставившие у себя камин вопреки всем правилам пожарной безопасности и выведшие трубу в вентиляцию, заслуживают немалой кары. Их не извиняло даже то, что жили они на верхнем, девятом этаже дома и никому из людей своим дымом досадить не могли. Людям – да, а домовым?

Эти любители погреться у камина знать не знали, ведать не ведали, что низкий чердак аккурат над их головами ночью волшебным образом преображается...

Новый дом, куда перебрались с хозяевами из городского центра Акимка и Якушка, стоял на окраине, в трех шагах от замечательного леса, и люди там поселились в общем солидные, несуетные, при машинах, при добротном имуществе. Так что и неудивительно, что в восьми квартирах обнаружилось соседи-домовые.

Человеческой молодежи там было негусто – и та сидела тихо, кроме одного оболтуса, пятнадцатилетнего Игорехи, который повадился по ночам слушать громкую музыку. Он, как и каминовладельцы, жил на девятом этаже, что и навело юных домовых на неожиданную мысль.

Всем известно, что обычаи сватовства и обручения у домовых соблюдаются свято. Встречаться с будущим мужем или будущей женой, проводить с ними время – нехорошо, не по-

дедовски. Лучше всего, конечно, когда молодые знакомятся уже за свадебным столом. Ведь что в семье важно? Желание вести совместное хозяйство. А прочее – от лукавого.

В новом доме оказалось три девки на выданье. А достойных женихов им не находилось. Ведь девке кто нужен? Домовой из богатого житья ей нужен, чтобы из одного крепкого хозяйства в другое пташкой перепорхнуть. А Акимка с Якушкой – пока всего лишь подручные. Ни одна сваха не согласится им невест искать. С другой стороны, девкам скучно, да и телевизора тайком от старших насмотрелись. И вот надумали они впятером устраивать на чердаке под Игорехину музыку дискотеки. Старшие заснут – а молодежь наверх!

Но и дискотека бесконечной не бывает. Попрыгали – и по домам.

Если бы почтенный домовой дедушка Лукьян Пафнутьевич проведаль, чем его подручные по ночам балуются, – ой! И подумать страшно, чего бы он натворил. Места лишил бы сразу. И рекомендации не дал. А быть безместным без рекомендации...

И ладно бы они и впрямь отведали девичьей сласти! Тогда – не так обидно. Юные домовихи себя блюли и кроме плясок ничего не позволяли. Тем более, пляски не те, что прежде, не в обнимушку, а каждый сам по себе дергается.

Так что сильно огорчили Акимку с Якушкой каминовладельцы, вздумавшие погреться в третьем часу ночи.

Они полезли по щелям в перекрытиях и добрались до квартиры, где проживал домовой дедушка Тимофей Игнатьевич. Но тот, набегавшись за день, дрых без задних ног. Тимофей Игнатьевич, если по уму, давно должен был бы жениться, чтобы было с кем хлопоты делить. Но он сильно дорожил свободой, и ни одной свахе по сей день не удавалось вправить ему мозги.

Домовые спустились еще ниже, и еще, и оказались в конце концов в подвале.

Конечно, они могли и без спросу войти в чужое хозяйство, прокрасться на цыпочках, не дыша. Но если домовой застучает непрошеного гостя – быть драке. Сосед, не сосед – разборка будет уже потом.

– Ну и что дальше делать будем? – спросил Якушка.

– По стенке, – подумав, отвечал Акимка.

Домовые – мастера лазить, а стенка – неровная, есть за что зацепиться, и до кухонной лоджии гуляки добрались бы без затруднений. Вот только изначально домовые побаиваются высоты. Полтора человеческих роста – и то для них высота изрядная, а семь этажей?

Акимка с Якушкой присели на краю газона и загрустили.

Тут надо сказать, что с места, которое они выбрали для своих горестных размышлений, была видна шоссейка, отделявшая микрорайон от лесопарка. Домовые сидели как бы в торце асфальтированной дорожки между домом и шоссейкой. А зрение у них – кошка позавидует. Потому и увидели странную суету.

Сперва вроде бы шарик на шоссейку выкатился, за ним – другой, третий. И пропали из виду. А за ними – серый столб, опасно накренившийся, как если бы собрался грохнуться. Столб этот, основанием почти касаясь шоссейки, пролетел по воздуху, тоже исчез, и тут же домовые услышали крик.

– Ахти мне, – прошептал Акимка, а Якушка, который был норовом побойчее, сорвался и поспешил на голос.

– Ты куда это? – и трусоватый Акимка пронесся следом, чтобы удержать товарища.

– Куда-куда! Наших бьют!

И точно, если судить по голосу, верещал какой-то домовый. Возможно, сосед.

Не докапываясь, чего этот сосед забыл в ночном лесу, Якушка поспешил на помощь. Не помочь в беде – опасно. Узнают свои – и окажешься хуже безместного.

Они выбежали на шоссейку и завертелись, отыскивая пострадавшего. Но пострадавший забился в кусты и там время от времени всхлипывал. Когда позвали – выходить не пожелал. И с большим трудом Акимка с Якушкой догадались, что это – смертельно напуганная баба.

К домовихам у домовых отношение особое. В основном – свысока. Хотя иная домовая бабушка трех домовых дедушек за пояс заткнет. Акимка с Якушкой даже не рассердились на глупое бабье поведение – какого от нее еще ожидать? Они обшарили кусты и извлекли совсем еще молодую домовиху с маленьким.

– Ты не бойся, дурочка, свои мы! – принялся успокаивать Якушка. – Не обидим! Мужик-то твой где?

Того, что домовиха с младенцем может и вовсе не иметь мужа, они и в страшном сне бы представить не могли.

Но ответом на вопрос был громкий и отчаянный рев. Да еще маленький запищал. Акимка с Якушкой переглянулись – ой, плохо дело...

– Ты как сюда попала? Чья ты? – продолжал допытываться Якушка. – С кем живешь?

– погоди, – остановил его Акимка. – Ты глянь, откуда она бежала. Там же ни одного дома нет. Город, считай, кончился.

– Так ты что, деревенская? – удивленно спросил Якушка.

Старые домовые еще помнили времена великого переселения из деревни в город. Домовые среднего возраста – те знали, что есть где-то там, за горизонтом, деревенская родня. А для младших эта родня была вроде бабы-кикиморы – говорят, водится в сельской местности, виснет на осинах и воет в печной трубе, но видеть ее никто не видел.

Домовиха закивала, не в силах молвить сквозь рев внятное словечко.

– Надо же... К родне, что ли, пробираешься? – продолжал допрос Якушка. – Одна, без мужика?

– Яков Поликарпыч! Их же там трое бежало! – вдруг вспомнил Акимка.

Даже домовый дедушка старался обращаться к подручным уважительно. «Якушкой» и «Акимкой» кликал, осердясь, или же – подгоняя, чтобы работу выполнили в срок. Между собой подручные обходились без церемоний, но при посторонних соблюдали старый обычай вежества. И трудно, что ли, назвать Якушку Яковом Поликарповичем?

– Точно, трое. Баба, дитенок и... Кто еще с вами был?

– Ермолай Гаврилыч мой!.. – выкрикнула домовиха и снова залилась слезами.

– Ого! Всей семьей в город собрались, – заметил Якушка. – Скоро от вас, приبلудных, коренному домовому и житья не станет...

– И где же он, твой Ермолай Гаврилыч? – вмешался Акимка.

Кроме рева, ответа не было. Тогда Акимка потрогал пальцем бурую шерстку младенца.

Младенец был мелкой породы, но коли умел бегать – надо думать, и говорить выучился.

– Батьку где потеряли?

– Та-ам... – пропищал младенец, тыча локотком в ту сторону, откуда прибежало семейство.

– Она что, от мужа сбежала? – растерянно предположил Акимка. Это уж вообще не лезло ни в какие ворота.

– Кончай реветь и говори живо – от кого бежала! – рявкнул Якушка.

Домовиха от изумления и реветь перестала.

– От вихоря...

– Какого еще вихоря?

– Большого, страшного!.. Как подхватит, как ударит!..

– Кого подхватит, кого ударит? – допытывался Якушка, и вдруг получил исполненный ненависти ответ:

– Тебя!

– К ней с добром, а она всякие страсти сулит! – возмутился Якушка.

– Что-то мне все это не нравится... – с тем Акимка отошел в сторонку и, нагнувшись, стал изучать асфальт.

Уж что он там высмотрел – человеку не понять. Домовые оставляют след, только если под ногами ровная пыль, рассыпанная мука или приглаженный ветром песочек. Запах, правда, у следа имеется, и его не всякая собака учует. Сами же домовые друг дружку не выслеживают и по запаху не различают, потому что им это ни к чему. Однако Акимка помотался по шоссе и враз-вперед и решительно направился туда, куда бежала, да не добежала домовиха.

Минуты две спустя Якушка услышал его крик.

– Ахти мне! Беда! Якушка, буди народ! Матрену Даниловну сюда веди!

Оставив рыдающую домовиху с маленьким под развесистым подорожником, Якушка понесся к товарищу.

Акимка стоял на коленках, ощупывая некий темный неподвижный куль. Подбежав, Якушка взгляделся и ахнул.

Это был довольно крупный и взъерошенный домовый.

Кажется, мертвый...

* * *

Со старостью к домовым обычно приходит некая хрупкая ветхость. Они не страдают, не маются, только мысли делаются проще, тельце – легче, словно бы вся жизнь, что за долгие годы скопилась в домовом, начинает понемножку усыхать. Наконец тихонькое и кроткое существо, ростом уже не более младенца, живущее на покое при детках и внучках, засыпает и не встает более.

Тогда приходят домовые бабушки, помогают обрядить тельце, а мужики, посоветовавшись, придумывают ему место последнего упокоения. Поскольку состояние ветхого старца считается долгим, прочным, но отнюдь не беспробудным сном, тельце устраивают так, чтобы при необходимости оно могло благополучно выбраться и найти дорогу к своим. Раньше, когда на дворе полно было деревянных построек, можно было примостить прадедушку под конюшненным углом, снаружи или изнутри, под овином, в погребе. На деревне, наверно, так до сих пор и делалось. А в городе чего придумаешь?

Насилу разбуженный Акимкой и Якушкой матерый домовый дедушка Тимофей Игнатьевич долго скреб в кудлатом затылке.

– Ты уж нас Лукьяну Пафнутьичу не выдавай! – попросили подручные.

– Да уж не выдам. Мне-то хоть растолкуйте – чего вы ночью в лесу искали? Чего вам дома не спалось?

– Ну...

Сказать, что с девками плясали, – как раз и огребешь по оплеухе на брата. За баловство. А оплеуха от такой лапищи будет тяжкая...

– Любим-траву искали, – догадался ответить Якушка.

– Чтобы девки любили? Так вам же еще рано жениться, – удивился Тимофей Игнатьевич. – Чего удумали! Это вы телевизора насмотрелись, молодцы. Скажу Лукьяну Пафнутьевичу – пусть последит за вами.

– Ты лучше скажи – что теперь с мертвым телом делать! Тело на дороге лежит, скоро машины побегут, раздавят! – напомнил суть дела Якушка.

– И домовиха с маленьким под кустом сидит, ее куда девать? – добавил Акимка.

– О-хо-хо... Не было хлопот...

Тимофею Игнатьевичу совершенно не хотелось покидать уютную постельку, тащиться непонятно куда, однако дело вышло серьезное – погублен хоть и деревенский, однако ж – исконный домовый, может, даже родня.

Рассудив, что шустрые подручные, не добившись проку тут, побегут будить еще кого-то из старших и разнесут весть про его лень на весь дом, Тимофей Игнатьевич встал и снарядился в дорогу.

Он, как все домовые, был припаслив. Когда хозяева только-только переехали на новую квартиру, он прибрал великое множество веревочек и проволочек. Хранил же все это имущество в туалетной дырке. Была там в стене дырка, откуда тянуло холодом. Обнаружив ее прежде хозяев, Тимофей Игнатьевич заделал ее так, что снаружи не видно, а попасть в пронизанную сквозняком пещеру – легко. Жить в ней было невозможно, и он устроил там склад всякого добра, натянув веревки между трубами с горячей и холодной водой на манер гамаков.

Из этой дырки Тимофей Игнатьевич добыл большой кусок плотной полиэтиленовой пленки и моток шнура. Нести пришлось Акимке с Якушкой, и они не жаловались: слово старшего – закон.

На шоссе они сразу нашли мертвое тело.

Оно уже как будто малость съезжилось, но Акимке все казалось – случилась ошибка, этот бесталанный Ермолай Гаврилыч сейчас закричит, протрет глаза мохнатыми кулаками и сядет. А Якушка даже обошел его, надеясь уловить признаки жизни.

Но их-то как раз и не было.

– Бабу сюда ведите, – распорядился Тимофей Игнатьевич. – Пусть повоет.

– А что, нужно? – удивился Якушка.

Тимофей Игнатьевич задумался. Сколько он себя помнил, над престарелыми и крепко заснувшими домовыми никто не выл. Но вроде бы когда-то давным-давно овдовевшим домовикам полагалось...

Пока Якушка удивлялся, Акимка, проявив неожиданную шустрость, понесся отыскивать деревенскую домовиху. Она уже малость пришла в себя, но выбираться из-под развесистого подорожника боялась.

– А ну как вихорь прилетит?

– Да улетел твой вихорь! Не вернется! – успокаивал Акимка. – Пойдем, я тебя отведу...

– Куда?

Акимка растерялся.

– Ну, к этому, к твоему... – промямлил он.

– К Ермолаю Гаврилычу, что ли? – домовиха выглянула из-за круглого листа. – Сыскался?!.

– Сыскался...

– А что ж сам не идет? Расшибся, что ли?

– Расшибся...

– Пойдем, дитятко, – встав, она взяла за худенькую, еще не в полную меру шерстистую лапку своего малыша. – А ты, молодец, поглядел бы – там, на дороге, мы свои пожитки побросали. Сделай доброе дело, подбери!

И поспешила туда, где ее должен был огорошить страшным известием Тимофей Игнатьевич.

Акимка остался у подорожника. Подумал, что надо бы набрать спелых семян – в доме через дорогу у девицы Федосьи Андроновны хозяева канарейку завели, капризную – сил нет, и хочет та канарейка подорожничкова семени, а сказать людям не может. И выругал себя нещадно: тут такое горе, а он – про канарейку...

Закричала и рухнула рядом со своим Ермолаем Гаврилычем домовиха, стал звать батю маленький. Акимка заткнул уши кулаками.

Так бы и сидел под тем подорожником до рассвета, но прибежал Якушка.

– Идем скорее! Тимофей Игнатьевич велел того покойника к дому перенести, там он у гаража угол приметил выкрошенный. Говорит, для Аникея Фролыча берег, но вот придется чужому уступить.

Аникей Фролыч был старшим из домовых-новоселов и уже не раз грозился лечь и уснуть, да все как-то не получалось.

Поскольку Акимка все боялся прикоснуться к телу, Тимофей Игнатьевич и Якушка сами завернули его и увязали, как умели, оставив петли – за что лапами браться. Акимке досталось вести горемычную вдову с маленьким.

Первым делом схоронили тело в обвалившемся углу и присыпали мелкими камушками. Не тащить же его в дом... Потом чуть ли не в охапке унесли обеспамятевшую домовиху с маленьким. Тимофей Игнатьевич надумал временно определить их на чердаке. А потом, узнав все обстоятельства дела, созвать сходку и решить их дальнейшую судьбу. В конце концов, бабьи слезы – не навеки, и если позвать опытную сваху – она для вдовушки живо местечко приищет.

Акимка с Якушкой переволновались – ну как старшие заметят на чердаке расчищенную под пляски площадку и новогоднюю гирлянду с батареей, чтобы уж праздник – так праздник? Но нет, не заметили.

Было уже раннее утро, дом пробуждался, когда все, за кем Тимофей Игнатьевич сгоянял Акимку с Якушкой, поднялись наверх и заняли подходящие места. Домовые не любят сидеть рядком, поэтому разбрелись и устроились, как коты на солнцепеке – чтобы каждому хоть краем глаза, а видеть всех присутствующих. Жаль, чердак был новый, необжитой, хоть нарочно натаскай сюда всякой рухляди, удобной, чтобы укрыться с удобствами. Хорошо хоть, нашлись скомканные газеты...

Явился, понятное дело, крепко недовольный Лукьян Пафнутьевич. Он все никак не мог понять, каким боком его подручные к этому делу пристегнулись. Для помощи деревенской домовихе позвали и его супругу, Матрену Даниловну, хотя баба на сходках вообще не должна показываться. Явился домовый дедушка Ферапонт Киприанович – он-то с женой и наплодил трех девок. Явился сильно самостоятельный и непомерно гордый Евсей Карпович. Под локотки привели Аникея Фролыча.

Приплелся и совсем загадочный домовый Лукулл Аристархович, которого привезло с собой довольно странное семейство Венедиктовых. Семейство состояло из дедушки Венедиктова и его супруги Людмилы, а в новый дом на окраину оно было сослано внуками. И внуков можно было понять и простить – при всяком удобном случае дед с бабкой принимались толковать о роковом возрождении коммунизма, а также словесно нападали на гостей, упрекая их в материальном благосостоянии.

Лукулл Аристархович, понятное дело, нахватался блажных идей и пробовал было их проповедовать среди домовых, но получил резкий отпор: мы-де живем по старинке, телевизор – и то не каждый день смотрим, зато за порядком следим, а у тебя, у засранца, вон которую неделю тараканы не травлены, по всему дому расползаются.

С тараканами было вот что. Домовые вскоре после новоселья договорились провести военные действия против этой дряни разом по всему дому, и даже в тех квартирах, где своего домового отродья не держали. Никому и в ум не вошло, что Лукулл Аристархович, воспарив мыслями, проигнорирует это мудрое решение. В итоге тараканы, спасаясь от крепких заклятий и наговоров, батальонами и дивизиями устремились в квартиру Венедиктовых, там перевели дух, отсиделись и стали совершать вылазки. Домовые вдругорядь сговорились и почти эту нечисть повывели, но некоторым удалось спастись все у того же разгильдяя Лукулла Аристарховича. Они расплодились – и все вот-вот могло начаться заново...

Видя все это почтенное общесто в сборе, Якушка с Акимкой заробели и спрятались. Отродья не бывало, чтобы подручных звали на сходку. По крайней мере, Аникей Фролыч такого вспомнить как ни пытался – не сумел. Значит, лучше лишний раз не высываться.

– Так, стало быть! Тихо! – рявкнул Тимофей Игнатьевич. – Беда нагрянула. Будем решать, как ее избыть. Вот вам Таисья Федотовна, вдова горемычная. Повтори всему собранию, Таисия Федотовна, что мне спозаранку сказывала. Не смущайся, все свои...

– Какие ж вы свои? – тихонько ответила домовиха. – Вы-то городские, а мы-то деревенские...

* * *

История, которую сквозь слезы и вздохи поведала деревенская домовиха, сильно всю сходку озадачила.

Деревня, где жило несколько семей домовых, была старая, хоть и невелика – а на хорошем месте. Невесть сколько веков продержалась та деревня, и, кабы не свекла...

Уж полсотни лет, как крестьяне ни пшеницы, ни овса, ни льна не растили, а одну лишь свеклу, которую увозили и варили из нее сахар. То есть, до такой степени к этой свекле привыкли, что и жизни себе без нее не чаяли. А тут все и переменялось. Во-первых, перестали посылать на обе прополки и уборку людей из города. Во-вторых, растить этот корнеплод стало невыгодно – малыми силами много ли вырастишь, а закупочная цена как была низкой, так и осталась. Раньше хоть количеством брали, а теперь – откуда оно, количество? И народ из деревеньки стал разбегаться. Иные, что поумнее, прихватывали с собой домовых. А куда отбыли – того она, Таисья Федотовна, знать не может.

– А иного чего растить? – спросил Лукьян Пафнутьевич.

– Да разучились. Все ведь в лавке брали, и мясо, и картошку... и макароны...

Домовые загалдели – всяк старался показать себя доподлинным знатоком деревенской жизни. Шибко грамотный Лукулл Аристархович Америку приплел с кукурузой. Пришлось Тимофею Игнатьичу основательно повесить голос. А когда домовый во всю глотку заорет – бывает, и стекла из окон вылетают...

Прекратив завиральные сельскохозяйственные теории, Тимофей Игнатьевич попросил домовиху продолжать.

– Ну так опустела деревенька. Окна заколочены. Наши хозяева в одночасье собрались и съехали, нас позвать забыли... – домовиха тихонько заплакала. – А как дальше жить? Думали, с огорода прокормимся, по соседству еще домовые остались, Афанасий Савватеевич с семейством да бобыль Никишка. А тут оно и завелось.

– Что – оно? – спросил из-за скомканной газеты Лукьян Пафнутьевич.

– Да вихорь же, будь он неладен!

Сперва по пустым дорогам побежали маленькие смерчки, цепляли всякую ерунду – где палый листок, где соломину, где уцелевший от прежней жизни автобусный билет.

– Вот так бежит, стелется, посолонь заворачивается и шелуху тащит, – Таисья Федотовна показала, как именно заворачивается и стелется смерчик.

– Ну, тащит, а потом?

– Потом все опять рассыпается и лежит.

– А он? Вихорь?

– А кто его знает... Куда-то девается.

Домовые сперва с любопытством наблюдали за причудой ветра. Однако вихорьки малые становились все шире и даже принялись расти ввысь. Теперь они захватывали уже более тяжелое добро – могли протащить тряпочку, сбитую в ком сигаретную пачку, потом наловчились поднимать добычу на некоторую высоту и ронять ее оттуда.

Однажды домовые наблюдали, как был подхвачен и вознесен чуть ли не до крыши детский башмачок. Вот именно башмачок и навел их на мысль, что вихри становятся опасными.

Домовые в решениях неторопливы. Могут чего-то натворить сгоряча, но вообще – страх как рассудительны. Вот и в свекольной деревеньке они все разговоры разговаривали, пока не увидели, как слоняется по пустынной улице высокий пылевой столб, а в нем, в самой середине – черное.

Это оказалась кошка, и кошке еще повезло – вываливаясь из опадающего вихря, она уцепилась всеми лапами за березу, тем и спаслась. Хуже пришлось бобылю Никишке – его так приподняло да шлепнуло, что еле отходили.

А потом – страшно молвить, что было потом. Вихри, словно живые разумные существа, перестали обращать внимание на кошек и крыс, зато устроили охоту на домовых. Чем-то их эти земные жители, видать, прогневали. Или же показались почему-то подходящей добычей. Домовой не очень-то тяжел, его удобно всосать, закрутить да оземь брякнуть.

Прежде всего домовые перестали выпускать на прогулки малышкой. Поди знай, когда пыль посреди двора завьется да вверх стружкой вытянется, да пойдет, шатаясь, прихватывать все, что плохо лежит. Потом и взрослые домовые стали не ходить чинно, а перебегать открытое место.

– В город уходить придется, – решил наконец Ермолай Гаврилович.

– Думаешь, в городе эта нечисть не водится? – спросила вконец расстроенная Таисья Федотовна.

– В городе люди, они уж что-нибудь придумают.

И то верно – домовым на роду написано прибиться к человеку и жить с ним в сотрудничестве. Человек о пропитании домовому позаботится, домовый – о порядке, так оно веками складывалось. Как ни крути, а без человека плохо.

Уходить решили ночью – никто не знал, орудуют ли вихри по ночам, но в темноте – оно как-то безопаснее.

Ермолай Гаврилович с Таисьей Федотовной увязали пожитки, взвалили на себя узлы, малыш ухватился за мамкину шерстку – и пошли себе ночной дорожкой. Где город – не знали, но полагали, что далеко. Утром спрятались в придорожном кусте и проспали до заката. А на следующую ночь вихрь их и нагнал.

– По следу, что ли, шел? – спросил Тимофей Игнатьевич.

– Да кто ж его, поганого, разберет! – и домовиха, сбиваясь, утирая слезы, рассказала, как, бросив узлы, семейство бежало от хищного вихря да как пропал Ермолай Гаврилович.

– Стало быть, вихорь теперь дорогу в город знает?! – воскликнул Лукьян Пафнутьевич. – Ну, баба, исполать тебе! Навела на нас нечисть!

– Цыц! – крикнул до того молчавший Евсей Карпович. – Баба не виновата.

– Так ведь теперь и у нас вихри появятся!

– Больно ты им нужен, – отрубил Евсей Карпович. – Это деревенский домовый на двор бегаёт, а ты дома сидишь, носу не кажешь.

– А коли он такой хитрый, что и в дом заберется? – загалдели прочие домовые. – В окно! Или в вентиляцию!

Матрена Даниловна, домовая бабушка с немалым опытом, знала, что может и до драки пойти. Не раз ей доводилось врачевать царапины своему Лукьяну Пафнутьевичу. Но сейчас она больше беспокоилась насчет упрямого Евсея Карповича, к которому в последнее время повернулась всей душой. Хотя у домовых и не принято налево бегать, но ведь сердцу на приказежь. А оно, сердечко, как раз и настукивало шепотком, что гордый и своенравный домовый всех лучше и милее...

С одной стороны – чтобы не травить душу, а с другой – чтобы не засиживаться на сходке, она приобняла Таисью Федотовну и тихонько повела ее прочь с чердака.

– Идем, светик, посидишь с нами, с бабами, чего-нибудь надумаем, – говорила Матрена Даниловна. – Маленький твой у кумы Степаниды Прокопьевны, покормленный, спать уложен-

ный. Пока они тут кулачишками машут, мы, бабы, сообразим, куда тебя с маленьким поселить, к какому делу приставить.

Домовые если не спят – то делом занимаются, а в особенности – домовихи. Потому Таисья Федотовна посмотрела на Матрену Даниловну с признательностью. Жизнь, покотившаяся было под откос, могла заново наладиться, если вовремя заняться делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.